
Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-44-50

КОНЦЕПТ ГУ «СЕРДЦЕ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Б.К. УТИЖЕВА

Залина Рашидовна Хежева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, hezhevaz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© З.Р. Хежева, 2026

Аннотация. Статья посвящена определению места лингвокультурного концепта гу «сердце» как формы репрезентации и концептуализации духовной жизни человека в системе языка адыгского писателя Б.К. Утижева. Невзирая на многочисленность и многоаспектность исследований данной концептосферы в адыгской лингвокультуре, функционирование его регулятивных базисных эмоций в языке Б.К. Утижева, равно, как и сам язык писателя остается практически неразработанным. В работе впервые исследуются концепт гу «сердце» и фразеологические единицы с его участием в языке произведений Б.К. Утижева. Проведена попытка определить корпус семантических групп с данной лингвокультуремой и выявить степень ее продуктивности в образовании фразеологических единиц, используемых писателем.

В языке Б.К. Утижева лингвистическая ревизия концепта гу «сердце» существенно выходит за пределы только фразеологического состава языка, поскольку языку литературного произведения, а тем более поэзии свойственна эволюция без ограничений, что и определяет его индивидуальность и национальное своеобразие.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, концепт, гу / «сердце», фразеологическая единица, языковая картина мира, язык писателя

Для цитирования: Хежева З.Р. Концепт гу «сердце» в языковой картине мира Б.К. Утижева // Вестник КБИГИ. 2026. № 2 (69). С. 44–50. DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-44-50

Original article

CONCEPT OF THE GU “HEART” IN THE B.K. UTIZHEV’S LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Zalina R. Khezheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, hezhevaz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© Z.R. Khezheva, 2026

Abstract. This article examines the place of the linguacultural concept of “gu” (heart) as a form of representation and conceptualization of human spiritual life in the language of the Adyghe writer B.K. Utizhev. Despite the numerous and multifaceted studies of this conceptual sphere in Adyghe linguaculture, the functioning of its regulatory basic emotions in

Б.К. Utizhev's language, as well as the writer's language itself, remains virtually unexplored. This paper is the first to examine the concept of "gu" (heart) and phraseological units featuring it in B.K. Utizhev's works. The paper attempts to identify a corpus of semantic groups associated with this linguaculture and to identify the degree of its productivity in the formation of phraseological units used by the writer.

In B.K. Utizheva's linguistic revision of the concept *gu* "heart" significantly extends beyond the phraseological composition of language, as the language of literary works, and especially poetry, is characterized by unlimited evolution, which determines its individuality and national identity.

Keywords: Kabardino-Circassian language, concept, *gu* / "heart", phraseological unit, linguistic worldview, writer's language

For citation: Khezeva Z.R. Concept of the *gu* "heart" in the B.K. Utizhev's linguistic picture of the world. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2026; 2 (69): 44–50. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2026-2-69-44-50

В становлении национальной картины мира и формирующим его ядро языковым дефинициям относятся, безусловно, ФЕ как отражение специфических черт национальной культуры, исторической памяти и языка этноса. Фразеологический состав любого языка наиболее культурнонационален, поскольку система образов, закрепленных в нем, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения, она связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности» [Телия 1996: 215], что дает основание говорить о фразеологической картине мира как языковой форме фиксации национальной картины мира (НКМ). Исследование структурно-семантических особенностей фразеологической системы языка является одной из актуальных объектов современных антропоцентрических направлений, сложность которого обусловлено не только интенсивной модификацией и трансформацией языка, но и тем, что ФЕ в полной мере отражают этноспецифические, экстралингвистические и языковые особенности конкретного языка. Неподдельный интерес вызывают фразеологизмы, которые являются национально-специфическими и отражают характерные особенности культуры и быта, обычаи, символику. Именно они, как замечено исследователями, аккумулируют в себе информацию не только о культурных традициях народа-носителя языка, но и об особенностях его мировосприятия, о формах языковой концептуализации действительности [Кумыкова 2017: 75].

Ревизия полиуровневой структуры фразеологических единиц в различных нравственно-смысловых ракурсах предоставляет возможность выявить их роль в становлении художественной картины мира, репрезентирующей доминанты этноязыкового сознания писателя в их отношении к лингвокультурным концептам. Это объясняется способностью ФЕ аккумулировать в себе достаточно широкий спектр коннотативных значений и дискурсивных смыслов, создающих богатый когнитивно-прагматический потенциал идиоматики любого языка. Кроме того, «фразеологизмы обладают оценочностью, образностью, способностью отражать особенности национального менталитета и культуры» [Скнарев 2014]. Компоненты, входящие в состав ФЕ, и образы, на которых эти выражения базируются, служат этнокультурными маркерами первостепенной важности, репрезентирующими особенности быта того или иного народа, его понимания мира, а также исторических событий, происходящих на определенном этапе развития общества. Чрезвычайно ценным является изучение фиксируемых ФЕ механизмов трансформации восприятия окружающей действительности в языковом сознании, отображающие характер переосмысления обыденных и общественно значимых явлений, что наполняет ФЕ новыми смысловыми нюансами [Голикова 2023].

В настоящее время в когнитивной лингвистике особое внимание уделяется культурным концептам, вербализованным в текстах художественных произведений. Мысль о том, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы,

не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2010: 7], декларирует обязательность анализа языка писателя в единстве созданных им произведений. Одним из ведущих методов подобных исследований признается многоаспектный анализ фразеологической картины мира писателя, которая рассматривается как часть языковой картины мира.

В этнокультурном мировоззрении народа концепт гу «сердце» относится к ключевым экзистенциальным лингвокультурным понятиям. В адыгской языковой картине мира рассматриваются различные аспекты репрезентации данной концептуальной дефиниции в контексте исследований этнокультурных особенностей языкового сознания. В последние десятилетия научные изыскания в области ретроспективного анализа этнического самосознания и самосознания современных адыгов в зеркале языковой картины мира вызывают неподдельный лингвистический интерес, подтверждением которого служит богатейший библиографический формуляр журнальных публикаций и монографических исследований на эту тему.

Метафора СЕРДЦЕ-ЦЕНТР подразделяется на два аспекта: центр топологический, основанный на представлениях об анатомии сердца как области, и центр функциональный, основанный на представлениях о физиологии сердца как органа [Зибров 2009: 5]. Сердце рассматривается как символическое отражение в языке ментальных проекций, представлений этноса об объективной действительности. Это некое абстрагированное понятие с полисемантической нагрузкой, этнокультурно маркированное по своей сути, содержащее эмоционально-оценочные ассоциации, психологизмы мировосприятия [Хоконов, Соблирова 2020: 34]. В языке фразеологические единицы с гу / «сердце» выступают как метонимия, характеризую человека с разных сторон, а с другой стороны, как соматизм (например, гур узын / «испытывать боль в сердце»). Таким образом, вокруг концепта гу / «сердце» образуется символ духовного и физического состояний, различных эмоций, он показывает характер человека и является хранителем той или иной информации [Абазова 2016: 64].

Концепт «сердце» – «гу» характеризуется субстанциальностью, метафоричностью и аксиологичностью. Метафорическая составляющая данного концепта ярко представлена в русском и адыгейском языках и реализуется с помощью комплексных когнитивных моделей. Сердце в большинстве случаев получает положительную оценку в обеих лингвокультурах: сердце ассоциируется с добротой, любовью, смелостью, отзывчивостью, спокойствием, участием, чистотой, сочувствием, гармонией, искренностью, самым ценным, что может быть у человека [Чич 2010: 6]. Отмечая многоаспектность культурной семантики экзистенциальных лингвистических концептов, З.Х. Бижева отмечает, что если для обыденного сознания современных адыгов внутренняя форма таких слов забылась или «стерлась» и они воспринимаются как немотивированные (не распадающиеся на значимые части), то для лингвистического сознания носителей адыгских языков (при развитой интроспекции) она имеет исключительное значение, так как такая этимология вскрывает первичную мотивированность слов. Ассоциации и смысловые оттенки, возникающие при анализе внутренней формы слов, в большей мере передают национально-культурное своеобразие соответствующих концептов, чем денотативный компонент лексических значений [Бижева 2022: 73].

Особый интерес с нашей стороны, как у исследователя языковых особенностей самобытного языка Б.К. Утижева вызвало то обстоятельство, что лингвокультурный концепт гу «сердце» в его языковой картине мира имеет явно выраженную негативную коннотацию. Писатель с тонкой восприимчивостью мира, уникальным слогом и «адыгскостью» (термин Х.И. Бакова) [Баков 2010: 11] творчества использовал его большей частью при выражении печали, скорби и тревоги. Особенно это заметно в его новеллистике, резко диссонирующей с юмористическими произведениями, где концепт гу «сердце» вписывается в семантические рамки. В новеллах «Гум и тезыр» («Наказание сердца») (1971) и «Гухэль жыг» (букв:

«Дерево сокровенных чувств») (1977) гу «сердце» наделяется человеческими качествами. Оно в понимании и мироощущении писателя живое, более того, повествование идет от его лица, с ним ведется диалог: *Уэ уи гугъаиц а цыыхур (Жансэху) илэх дьидэу пицыгъуицэну. Ауэ уицыуаиц. Сэ сытым дежи си гъусэиц ар, Марят. Сэ, уи гум* [Утижев 2010: 151]. «Ты так надеялась, что очень быстро забудешь этого человека. Однако ты ошиблась. Этот человек всегда со мной, Марят. Со мной, твоим сердцем»; *Уэ уи псэуклар (си сабиигъуэ) цызгъэицлэраицлэм деж, нахуаплэ гъуабжэм сыблиицу, дэпиэици хуэдэу, сэ сьидэзыиэхыр псысэм цыхъэицлэ си гуриц* [Утижев 2010: 173]. «Когда я приукрашиваю твою жизнь, мое детство, обойдя серое настоящее, как и всегда, меня манит сердце мое, гостящее в сказке»; [Шамхун:] *Илэсиц ней мэху уэ си гум и нэзыр зэрыгуэбутькларэ, си дыгъэ нур. Ауэ уэ зей зэхэпхакъым гуузу кыицлэлыбанэ си гум и макъыр* [Утижев 1993: 36]. «[Шамхун:] Целых три года как ты ходишь (букв: околачиваешься) вокруг да около моего сердца, солнце мое. Однако ты никогда не слышишь зов моего сердца, которое жалобно воет тебе вслед».

Сердце от лица писателя ведет внутренний диалог со своим обладателем: *Къуаншагъэ ин гуэр зэрыббгъэдэльыр уоцлэжри, уэ а гукъэклыжхэм зацыбгъэпицкфуну ухэтиц, ауэ плэкккым (Марят). Плэкккым, а цыыхум сэ, уи гур, септаици...* [Утижев 2010: 152]. «Чувствуя за собой вину, напрасно пытаешься спрятаться от воспоминаний, но не получается [Марят]. Не можешь, потому что отдала меня (свое сердце) ему». Гу «сердце» является центром ментальной жизни, хранителем эмоциональной составляющей человека, писатель отождествляет его с самым ценным, с самой жизнью, которую можно подарить, но только лишь один раз, поскольку она одна, единственная: *Гур зэиц тыгъэ зэраицыр, Марят. Зэ закъуэиц. Икли сылгысыжынукуым сэ нэгъуэицлым... Уэ ухуейт зыри цымылауэ кызыицыбгъэхуу... Арихъэклэ улэицлэкыфынукуым сэ си тезырым... Гум зыри цыгъуицэрккым* [Утижев 2010: 150]. «Сердце дарят только один раз, Марят. Всего лишь раз. И никогда я (сердце) не смогу принадлежать другому. Ты хотела все забыть, но ты не сможешь уйти от моего наказания. Сердце ничего не забывает».

В языковой картине мира Б.К. Утижева помимо классических фразеологизмов с компонентом гу «сердце» иллюстрируется богатейший пласт авторских новообразований с намного более объемным содержанием, чем концептуальное выражение одноименной языковой дефиниции. Гипотеза о том, что сердце означает «орган всех чувств вообще», ярко иллюстрируется данными языковой картины мира писателя: *Уоу, Лусанэу си псэм и къуахуэ! Уэзгъэлъэгъуацэрэиц мы си гур иджыпсту кыизэрыгъагъэр, зэхозгъэхацэрэиц абы уэр цхъэклэ кыиуицэицыр* [Утижев 1998: 35]. «Ооо, Лусана, моя ненаглядная! Видела бы ты, как сейчас расцвело мое сердце, слышала бы что оно шепчет о тебе». Отождествляя гу «сердце» с наивысшим чувством – любовью, писатель воспринимает его как вместилище самых сокровенных эмоций, как показатель бережного, трепетного отношения к любимому человеку. Сердце предлагается как приют, пристанище, как постоянный оплот в жизни человека. Своеобразие восприятия психоэмоциональных состояний человека, его чувств проявляется во взаимосвязи базовых концептов, что весьма ярко иллюстрируется языковыми данными Б.К. Утижева. Гу «сердце» в языке произведений писателя репрезентировано, чаще всего, в бинарном единстве с концептом *лэагъуныгъэ* «любовь» с сопутствующим метафорическим смыслом: *гу хуэицлын – лэагъуныгъэ хуэицлын* «влюбить», *гур етын – лэагъуныгъэ етын* «влюбить» (букв: отдать сердце), *гум мафлэ илтын – гум лэагъуныгъэ илтын* «сильно любить»: [Шамхун:] *Сэ сыинтылыгенцккым ариц сыныицлоуицлэиц, си гур плэицхъагъ зыхуэицлын цыкфу* [Утижев 1993: 38]. «Потому и спрашиваю, что я не из интеллигенции, моя любовь, которой дарю сердце, как надежную опору в жизни (букв: сердце предлагается любимой в качестве изголовья кровати)»; *Ауэ дакъэжъ мафлэм хуэдэу си клуэицлэиц кыизыицлэ лэагъуныгъэр, укфытэккли къарукли схуэмыубыдыжу, мы си гур ныпхуеиц* [Утижев 1993: 35]. «Любовь, тлеющая как

старая кряжа и обжигающая мое нутро, без всякого стеснения дарит тебе мое сердце»; *Лъэпэд цыкIур лъэнкIэпIафэц, уэ фэеплэу пиIа бэлтокур си гум телэу кызохэкIыр, Пэцэхъану дахэкIей* [Утижев 1993: 17]. «Чулочки телесного цвета, я ношу в своем сердце (букв.: на поверхности сердца) платочек, подаренный тобой, прекрасная Пашахан»; *[Лусанэ:] Тхэ, сэри мы си гум зы мафIэ илэци, гуарцэ Iэтэ цагъэсу фIэкIа умыцIэн* [Утижев 1993: 36]. «Клянусь, в моем сердце горит такой огонь (букв.: сердце горит от любви), словно горит большая куча кизьяка».

Богатый эмпирический материал позволил выделить в языковой картине мира Б.К. Утижева семантические группы ФЕ с компонентом гу «сердце» со значением разнообразнейших чувств со всеми гранями эмоциональной окраски, психофизических и духовных состояний человека. При этом нужно отметить, что для художественного мира писателя, его своеобразного языка и стиля повествования характерны узуальное, ровно, как и окказиональное (семантическое) несоответствия от нормированного грамматического употребления фразеологических единиц с данным компонентом. Понимая, что в рамках одной исследовательской статьи невозможно отобразить все семантические группы ФЕ с компонентом гу «сердце» сопровождая их иллюстративным материалом, мы выделили 2 группы с негативной и позитивной коннотацией. Как отмечено выше, лингвокультурологический анализ концепта гу «сердце», а также ФЕ с его участием в языковой картине мира Б.К. Утижева предоставил большей частью семантические группы со значениями страха, тревоги и печали: *гур пыткIукIын* «сильно переживать, испытывать тревогу», *гур кыицIитхъын* «сожалеть сильно», *гур кътэн* «сердце разрывается, (букв.: сердце ломается)», *гур цыкIын* «возненавидеть», *гур (гушыкIур) бэгын* «сердце пухнет (от злости, тревоги)»: *Хамэ унэ цыхъауэ кыхъуницIэ фIэкIа умыцIэну, Iэпэлъанэсыс хъуарэ и гур кыицIэзыкIыу бжэр Iуиц, уздыгъэр пигъанэри, цыхъахэц (Лалыхурэ Зулийрэ)* [Утижев 2010: 164]. «С трясущимися руками и дрожащим сердцем, словно пришли ограбить чужой дом, они [Лалух и Зулий] открыли дверь, включили свет и зашли в дом»; *[Эпикастэ:] Арац, Креон! Сложь дымьлагуу уи гугъэ ер уигу кыитхуилъ зэпыту зэрехэкIыр? Мы цылым зэрынагууу дыцIэбгуэну, дэпцэци узэрыхэтыр... Цыхум яцIэн хуейц пэжыр: пцыгъэм хуэхэлэлри и лъабжэур цIэзыгукIри* [Утижев 1998: 41]. «Да именно, Креон! Что же ты думаешь, не видим мы козней твоих, что держишь в сердце зло все время? Люди должны правду знать: кто правит с чистой совестью, а кто грызет корень у этой власти»; *(Марят) Анхуэдицу фи гум сыицIэмыхуэкIэ, си Iуэхуц, тхэ, сэри афIэкIа мы унэм сыицIэсым* [Утижев 2010: 148]. «[Марят:] Если вы настолько меня не любите (букв.: сердце не выносит), более я не буду находиться в вашем доме»; *Анэ дэтхэнэми и псэм хэлэу кыицIэкIынуц быным и натIэ илэур кызыцIэ гуэр: ФатIимэти, жимыIэф цхэкIэ, хутемыгъэсабырэу и гур пыткIукIит ныцхэбэ.* [Утижев 2010: 145]. «Наверное, в душе у каждой матери есть некое чутье, предугадывающее будущее своего ребенка. Так и Фатимат, хоть и не говорила вслух, ее сердце особенно тревожилось сегодня».

Фразеологические единицы с исследуемым концептом с положительной коннотацией в языке произведений Б.К. Утижева представляют такие семантические группы, как *гур тхэкIун* «увлечься сильно кем-л. (букв.: очаровать сердце), *гур хэхуэн* «испытывать душевный подъем», *гур кIэрытIэн* «влюбиться, привязаться к кому-л.): *Эпикастэ и гур псэхужауэ: Унсэу, Эдип* [Утижев 1998: 20]. «Эпикаста успокоившись: Благодарю, Эдип»; *Хъэжбэрон и гур кызыфIэнауэ: сэ уэ [Хъэфотэ] гу пцызмыхуауэ мы дунейм сытекIыжмэ...* [Утижев 1998: 376]. «Хажбарон расчувствовавшись: Если я умру, не насладившись тобой (букв.: пока сердце не насытится тобой)». Как мы отмечали выше, в языке произведений Б.К. Утижева ФЕ с концептом гу «сердце», выражающие положительной коннотацию не так много, что, на наш взгляд, обусловлено его восприятием мира.

Безусловно, осознавая ограниченность рамками одной научной публикации, мы не смогли охватить все ассоциации и смысловые оттенки, возникающие при

реvisions авторских образований и ФЕ с компонентом гу «сердце», передающие национально-культурное своеобразие языковой картины мира писателя. Исследование ФЕ в художественных произведениях, говоря словами Баловой И.М., позволяет установить закономерности их функционирования, характер связи с контекстом. Фразеологизмы, несущие на себе определенную эстетическую нагрузку, оживляют контекст, придают ему особую выразительность, яркость. Художественный контекст также воздействует на семантику, коннотации, грамматическую структуру ФЕ [Балова 1985: 27].

Список источников и литературы

- Абазова 2016 – Абазова М.М. Концепт гу / «сердце» в синонимичных фразеологизмах кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 62–64.
- Баков 2010 – Баков Х.И. Борис Утижев: поэт, писатель, драматург. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 376 с.
- Балова 1985 – Балова И.М. Функционально стилистический анализ фразеологических единиц в прозе А.П. Кешокова и проблемы перевода кабардинской фразеологии: дисс. канд. филол. наук. Нальчик, 1985. 185 с.
- Бижева 2022 – Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира. 2 издание, дополненное. Нальчик, КБГУ, 2022. 186 с.
- Голикова 2023 – Голикова М.М. Фразеологические образы в языковой картине мира писателей русского зарубежья: дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2023. 236 с.
- Зибров 2009 – Зибров Д.Я. Концепт СЕРДЦЕ в аспекте концептуальной систематики языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 22 с.
- Караулов 2010 – Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
- Кумыкова 2017 – Кумыкова Д.М. Лакуарность фразеологических единиц в кабардино-черкесском и русском языках // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2017. № 1 (32). С. 71–76.
- Скнарев 2014 – Скнарев Д.С. Фразеологизм как средство создания образа в рекламном дискурсе // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 340.
- Телия 1996 – Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Хоконов, Соблирова 2020 – Хоконов М.А. Соблирова З.Х. Концепт гу («сердце») в традиционном социокультурном пространстве черкесов (культурологический аспект) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 4 (208). С. 33–37.
- Чич 2010 – Чич Б.А. Субстанциональность и метафоричность концепта гу «сердце» в языковой картине мира: на материале русского и адыгейского языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2010. 23 с.
- Утижев 1993 – Утижев Б.К. С добрым смехом. Пьесы. Нальчик: Эльбрус, 1993. 256 с. (ИутЫж Борис Гушыпэ махуэ апщий. Налшык: Эльбрус, 1993. 256 н.)
- Утижев 1998 – Утижев Б.К. Весь мир – театр. Пьесы. Нальчик: Эльбрус, 1998. 376 с. (ИутЫж Борис Дунейр театрщ. Пьесэхэр. Налшык: Эльбрус, 1998. 376. н.)
- Утижев 2010 – Утижев Б.К. Сочинения. Стихи, сонеты, новеллы, пьесы. Нальчик: Эльбрус, 2010. 376 с. (ИутЫж Борис Тхыгэхэр. Усэхэр, сонетхэр, новеллэхэр, пьесэхэр. Налшык: Эльбрус, 2010. 376 н.)

References

- ABAZOVA M.M. *Koncept gu / «serdce» v sinonimichnyh frazeologizmah kabardino-cherkesskogo yazyka* [Concept GU / “HEART” In the synonymic phraseologisms of the Kabardino-Circassian Language]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. No. 4 (58): in 3 parts. Part 2. P. 62–64. (In Russian)

- BAKOV Kh.I. *Boris Utizhev: poet, pisatel', dramaturg* [Boris Utizhev: poet, writer, playwright]. Nalchik: Izdatelskij otдел KBIGI, 2010. 376 p. (In Russian)
- BALOVA I.M. *Funkcional'no stilisticheskij analiz frazeologicheskikh edinic v proze A.P. Keshokova i problemy perevoda kabardinskoj frazeologii* [Functional and stylistic analysis of phraseological units in the prose of A.P. Keshokov and problems of translation of Kabardian phraseology]: diss. ... kand. filol. nauk. Nalchik, 1985. 185 p. (In Russian)
- BIZHEVA Z.Kh. *Adygskaya yazykovaya kartina mira. 2 izdanie, dopolnennoe* [Adyghe linguistic picture of the world. 2nd edition, supplemented]. Nalchik: KBGU, 2022. 186 p. (In Russian)
- CHICH B.A. *Substancial'nost' i metaforichnost' koncepta gu «serdce» v yazykovoj kartine mira: na materiale russkogo i adygejskogo yazykov* [Substantiality and metaphorical nature of the concept gu “heart” in the linguistic picture of the world: based on the Russian and Adyghe languages]: avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. Maykop, 2010. 23 p. (In Russian)
- GOLIKOVA M.M. *Frazeologicheskie obrazy v yazykovoj kartine mira pisatelej russkogo zarubezh'ya* [Phraseological images in the language picture of the world of writers of Russian abroad]: diss. ... kand. filol. nauk. Belgorod, 2023. 236 p. (In Russian)
- KARAULOV YU.N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. Izd. 7-e.* [Russian language and linguistic personality. 7th ed.] M.: LKI, 2010. 264 p. (In Russian)
- KHOKONOV M.A., SOBLIROVA Z.KH. *Koncept gu («serdce») v tradicionnom sociokul'turnom prostranstve cherkessov (kul'turologicheskij aspekt)* [The concept of “GU” (“HEART”) in the traditional socio-cultural space of Circassians (cultural aspect)]. IN: Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki. 2020. No. 4 (208). P. 33–37. (In Russian)
- KUMYSKOVA D.M. *Lakunarnost' frazeologicheskikh edinic v kabardino-cherkesskom i russkom yazykah* [Lacunarity of phraseological units in the Kabardian-Circassian and Russian languages]. IN: Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovanij Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoj Respubliki i Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. 2017. No. 1 (32). P. 71–76. (In Russian)
- SKNAREV D.S. *Frazeologizm kak sredstvo sozdaniya obraza v reklamnom diskurse* [Idiom as a means of creating an image in advertising discourse]. IN: Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 1. P. 340. (In Russian)
- TELIA V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. 288 p. (In Russian)
- UTIZHEV B.K. *S dobrym smekhom. P'esy* [With good laughter. Plays. In the Kabardian language]. Nalchik: Elbrus, 1993. 256 p. (In Kabardino-Circassian)
- UTIZHEV B.K. *Ves' mir – teatr. P'esy* [The Whole World's a Stage. Plays]. Nalchik: Elbrus, 1998. 376 p. (In Kabardino-Circassian)
- UTIZHEV B.K. *Sochineniya. Stihi, sonety, novelly, p'esy* [Works. Poems, sonnets, short stories, plays]. Nalchik: Elbrus, 2010. 376 p. (In Kabardino-Circassian)
- ZIBROV D.YA. *Koncept SERDCE v aspekte konceptual'noj sistematiki yazyka* [The concept HEART in the aspect of conceptual taxonomy of language]: avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2009. 22 p. (In Russian)

Информация об авторе

З.Р. Хежева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 16.05.2026; одобрена после рецензирования 19.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 16.05.2026; approved after reviewing 19.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.